

Наши юбиляры

В ПРЕДЛАГАЕМЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ...

Что есть юбилей? Ощущение праздника, парадные речи, признание заслуг, цветы, поздравления?

По крайней мере именно так это будет выглядеть сегодня в Государственном русском драматическом театре ЭССР на вечере, посвященном 60-летию народного артиста ЭССР Евгения Ивановича Власова и 35-летию его творческой деятельности.

Но для каждого художника, человека истинно творческого, юбилей — это, прежде всего, подведение итогов, подчас трудных размышлений, «инвентаризация» своих обретенных и потерянных.

Ровно десять лет назад, в канун 50-летия Евгения Ивановича, мы вот так же вели беседу и над нами как бы кружили птицы его молодости. Быть может, эта тема была навеяна еще и символическим названием спектакля, который Е. Власов выбрал тогда для своего юбилея: «Птицы нашей молодости» И. Друце.

Вернулись эти птицы и в нашу нынешнюю беседу, хотя сегодня юбиляр выйдет и зрителям в роли Судакова — главного героя (антигероя!) спектакля «Гнездо глухаря» В. Розова, спектакля, уже с афиши театра сошедшего. Почему же на него пал выбор юбиляра?

— Лично мне пьеса Виктора Сергеевича Розова представляется необыкновенно актуальной, глубокой, многомерной.

— Вряд ли ваше мнение можно считать сугубо личным. В ноябрьском номере журнала «Театр» опубликовано выступление главного редактора этого журнала писателя Генриха Боровина на заседании комиссии по драматургии на VIII съезде писателей СССР. Позволю себе привести цитату из этого выступления:

«Возможно, критике нашей, да и нам самим не достало прозорливости и смелости, если угодно, чтобы заметить острую социальную «Гнезда глухаря» В. Розова, где анализировалась нравственная и социальная глухота некоего ответственного лица. Миссия каждого настоящего писателя, помимо всего прочего, состоит в том, чтобы указать обществу «зону опасности», зону духовной, нравственной порчи, предупредить болезнь. И В. Розов, как разведчик, как сапер, часто предупреждал нас о таких зонах».

— Что и говорить: сейчас открылись совсем иные подступы к решению этой розовской пьесы. Но и несколько лет назад

коллектив исполнителей работал над ней очень увлеченно. А роль нравственного «глухаря» Судакова представляется мне одной из интереснейших, над которыми доводилось работать.

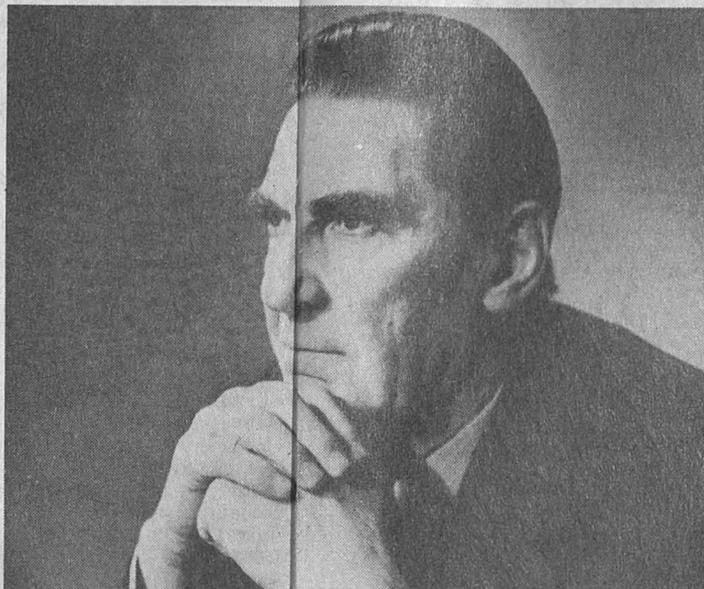
— Между тем, она вроде бы ломает привычные представления об актере Евгении Власове. Если я попытаюсь перечислить всех положительных героев, вами сыгранных, ни на что другое места не останется.

...Так сложилось: актер Евгений Власов едва ли не с первых шагов на первой в его жизни (и оставшейся единственной!) профессиональной сцене определился, главным образом, как социальный герой. И потому значительная часть созданной им «портретной галереи» стала как бы зеркалом времени, своеобразной исторической летописью. В галерее этой — разные разделы. Например, историко-революционный. Открывают его солдаты партии, солдаты революции: Нил в «Мещанах» Горького, матрос Рыбаков в «Кремлевских курантах» Н. Погодина и Бочаров в «Профессоре Полежаева» Л. Рахманова.

— Они входят, Евгений Иванович, в список ваших любимых ролей?

— Входят. Их одержимость, верность идеалам революции я воспринимал не как заданный характер. Эти герои были очень близки мне человечески. Чего не могу, естественно, сказать, например, о Мышлаевском из «Дней Турбиных» М. Булгакова. Зато мне представлялось очень важным показать мучительный путь преодоления, который прошел этот белый офицер от неприятия революции к пониманию ее идей, высшей социальной справедливости.

...Шли годы. Не гладко и не ровно текла репертуарная река театра. И по всем ее извилинам (от драматургии бесконфликтной, одномерной, к пьесам подлинно художественным, остро социальным) прошли герои актера Е. Власова.

Одни роли были для него проходными, другие стали вехами жизни в искусстве. Но неизменно доминирующей красной в творческой палитре оставался «цвет» героический.

— Это совпадало с вашими творческими устремлениями, Евгений Иванович?

— Совпадало, если интересным был драматургический материал. Разве отрекусь я когда-нибудь от роли офицера флота (до мозга костей!) Платонова в спектакле «Океан» А. Штейна? Мне одинаково дороги и цельность характера, и человеческая мудрость, и гуманизм, и мужество Платонова — органический сплав всех этих качеств, рожденный талантом драматурга. Вряд ли в один ряд с произведениями А. Штейна можно поставить, скажем, пьесу Г. Березко «Вст я иду». Но и сыгранной в ней роли Орехова я тоже дорожусь, как осмыслением трудных и горьких страниц в жизни нашего общества, связанных с нарушением социалистической законности.

— Сергея в «Иркутской истории» А. Арбузова тоже со счета сбросить не согласитесь?

— Конечно, не соглашусь. Пусть роль эта была лише-

на психологической сложности, точной проработки характера. Но у Арбузова ведь «просто так» ничего не бывало. Он рано (уже в первом акте) увел этого героя из пьесы: Сергей тонет в реке, спасая жизнь двоих детей. Но насколько точно был рассчитан ход драматурга, я понял на одном из выездных спектаклей. Ко мне подошла совсем юная зрительница с широко распахнутыми глазами и, красная, спросила: — Скажите, пожалуйста, вы в жизни тоже такой хороший?

Высокий эмоциональный заряд, заложенный драматургом в линию Сергея, сбился безотказно! А для меня вопрос той девушки из зрительного зала был высшей наградой.

...Постепенно выясняется, что ни одну из ролей героического репертуара, которые я называю, Евгений Иванович «списывать» не хочет.

— Но ведь были у вас и совсем другие роли. Отнюдь не героические, отнюдь не положительные. Например, Максим в «Традиционном сборе» В. Розова. На мой взгляд — одна из лучших ваших работ.

— Так ведь драматургия

какая! А еще нужно было, чтобы режиссер поверил в мою способность пойти на преодоление привычной индивидуальности, поверил, что мне удастся «вжиться» в Максима — человека, который, однажды оступившись, пустил свою жизнь под откос, а теперь бьется за нравственную самореанимацию.

Но мы ведь актеры, сами драматургию себе не выбираем и роли тоже. Живем, как и наши герои, в предлагаемых обстоятельствах.

Что правда — то правда. Творческие успехи актера определяются не только мерой его таланта. Очень многое зависит от того, каким «увидит» его режиссер, какие «обстоятельства» предложит и поможет ли в этих обстоятельствах раскрыться.

При счастливом совпадении этих условий и рождались у актера Власова яркие роли, в том числе и далекие от привычного амплуа.

Вспомним, каким неожиданным оказался Е. Власов в характерной роли напористого-темпераментного Томаза Чебукиани в «Голубой рапсодии» Н. Погодина. Как удивил зрителей своим романтическим Доном Родриго в «Сиде» П. Корнеля.

Были: мягкий, беззащитный Федор («В поисках радости» В. Розова), неврастичный Саалепп («Неудовольствие чудо» Э. Вильде), сломленный Индрек («Любовь и жизнь» А. Х. Таммсааре), бродячий музыкант Вэлл («Орфей спускается в ад» Теннесси Уильямса)...

Кажется, я недопустимо увлеклась перечнем ролей. Впрочем, в какой-то степени это закономерно. Ни мало, ни много — свыше ста ролей сыграл на сцене театра Евгений Иванович. Хотелось назвать хотя бы самые значительные. Но это невозможно. Да, наверное, и не нужно. Их без того помнят постоянные зрители театра. А помнят — значит, ценят, значит, чтут!